

А.А.Бурыкин
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург

**Некоторые замечания к проблеме тюркских заимствований
в тунгусо-маньчжурских языках
и их значении для сравнительно-исторической тюркологии и алтаистики**

Опубликовано в кн.: // Altaica VIII. М., ИВ РАН, 2003. С.38-48.

Проблема тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках освещается в литературе в разных аспектах. Чаще всего этот материал привлекал к себе внимание как образец распространения тюркских слов через посредство монгольских языков в тунгусо-маньчжурские языки. Как известно, в этом факте, равно как и в довольно очевидной экспансии слов монгольского происхождения в тунгусо-маньчжурские языки и некоторые другие языки Дальнего Востока (в частности, в нивхский язык) нередко усматривается альтернатива идее о родстве алтайских языков. В самом деле, тюркские и монгольские слова проникли даже далее на северо-восток (ср. чукотск., *кэнчик* 'хлыст, кнут, бич', *выйольын* 'посыльный, слуга', (фольк.) 'раб', *ны-кэтгу-к'ин* 'мощный, сильный', *этын* 'хозяин (животного)'¹ и некоторые другие). Хорошо изучено взаимодействие эвенкийского и якутского языков: в эвенкийский и эвенский языки попало значительное число якутизмов, среди которых встречаются как тюркские, так и монгольские слова - этот материал многократно описывался в якутоведении в историко-этимологическом аспекте начиная со словаря Э.К.Пекарского (равно как и лексика тунгусского происхождения в якутском языке)², а в тунгусо-маньчжуроведении якутские заимствования в разнообразных эвенкийских диалектах были выделены А.В.Романовой и А.Н.Мыреевой³, и результаты их работы в дальнейшем вошли в "Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских

¹См. Молл Т.А., Инэнликэй П.И. Чукотско-русский словарь. Л., 1957. С.61, 24, 86, 158. Значение последнего слова 'хозяин животного' уточнено нами по нашим полевым наблюдениям. Интересно, что в этом списке слова тюркского происхождения заметно преобладают над монгольскими.

² Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. СПб., 1907-Л.,1927. См., также: Попов Г.В. Слова неизвестного происхождения в якутском языке. Якутск, 1986, где, вопреки названию, утверждается, что так называемые "слова неизвестного происхождения" могут иметь тюркские, монгольские или тунгусо-маньчжурские этимологии. Старые заимствования из чукотско-камчатских языков в якутском языке весьма и весьма немногочисленны, а заимствования из юкагирского языка отмечаются главным образом в диалектах. Это положение подтверждается результатами анализа топонимики Якутии, где выявляется заметное количество названий чукотско-камчатского и юкагирского происхождения, но не обнаруживается следов какого-либо неизвестного языка-субстрата.

³Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии. Л., 1968.

языков”⁴, так что последующие исследования мало что могли бы добавить к сформировавшимся представлениям о характере якутско-эвенкийских лексических связей.

В настоящей работе наше внимание привлекают такие тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках, которые, не отменяя и не подменяя идеи родства алтайских языков, отражают непосредственное контактирование этих языков с тюркскими языками помимо якутского языка и имеют значимость для сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Этот материал составляет несколько самостоятельных проблем, значимых не только для изучения языковых контактов между .

I. Тюркские слова в языке образцов малого чжурчжэньского письма и в маньчжурском языке. Как показали специальные разыскания, маньчжурский язык и так называемый “чжурчжэньский” язык, о значительном сходстве которых специалисты говорили и ранее, представляют собой одну и ту же языковую формацию, то есть один и тот же язык, для которого в разное время использовались разные формы графики.⁵ Заимствования из других языков в маньчжурском языке и языке образцов малого чжурчжэньского письма (МЧП) в основном одни и те же⁶, и различие в составе лексики этих языковых формаций объясняется в основном недостатками документации, в основном - ограниченностью материала по языку МЧП, отчасти - неполнотой и лексикографическим несовершенством словарей маньчжурского языка.⁷ Нам хотелось бы обратить внимание на следующие тюркизмы языка МЧП и маньчжурского языка:

1) **hi-shih**, *hucin* ‘колодец’, ср. ма. *хучин*, сибирск. *кочин* ‘колодец’, источник, из которого берут воду. Слово несомненно тюркское: ср. др.-тюрк. *qudug*, *qu@ug*, *qujug* ‘колодец’. Обоснованием того, что данное слово является заимствованием из тюркских языков, является комплекс следующих фактов: 1) в самих тюркских языках форма *кудук* с инлаутным согласным -d- встречается в тех языках, где на ее месте ожидался бы согласный -j- ср. узб. *кудук*, ккалп. *кудык* колодец; караим. *кудух* колодец (Радлов 2 1003); 2) Наличие у этого слова значения “родник” в

⁴ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I-II. Л., 1975, 1977. Некоторое количество слов якутского происхождения в эвенкийских и эвенских диалектах в этом словаре осталось без помет, указывающих на источник заимствования, однако это не меняет общей ситуации

⁵ *Burykin A.A. Morphological Aspects of the language of the Jurchen Script //Writing in the Altaic World (Studia Orientalia, 87). Helsinki, 1999. P.29-39.*

⁶ См.: Бурькин А.А. Монгольская и тюркская лексика в текстах-образцах малого чжурчжэньского письма // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. IX. М.-Магнитогорск, 2000. С.376-383.

⁷ Недавно А.М.Певнов попытался расширить список тюркских заимствований в языке МЧП примерно до 30 единиц (Певнов А.М. Тюркизмы в чжурчжэньском языке //История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В.Шавкунова. Владивосток, 2000. С. 104-107). В собранном автором материале, даже если разделить авторское нейтральное или негативное отношение к идее родства алтайских языков, немало таких примеров, для которых невозможно доказать заимствованный характер этих слов и их тюркское происхождение.

языке телеутов (Радлов 2 1002) наводит на связь этого слова с тюркским глаголом *qud-* ‘лечь’; 3) Монгольским эквивалентом этого глагола на уровне общеалтайской лексической реконструкции является мо. *гулдрих* ‘течь, струиться’ (глаголы “лечь” и “течь, литься” отличаются только грамматическим значением каузации и его отсутствием). Маньчжурская форма и ее соответствие в МЧП заимствованы из такого тюркского языка, который имел на месте общетюркского звонкого интердентального *-@-* глухой спирант или аффрикату, близкую к *-ч-*. Чрезвычайно важно для сравнительно-исторической тюркологии то, что аналогичные рефлекссы этого спиранта в позиции внутри слова не засвидетельствованы ни в одном из современных тюркских языках и не прослеживаются по тюркоязычным письменным памятникам.

2) **huh-t’uh-rh**, *kutur*, *kutuer* ‘счастье’, ср. ма. *хутури* ‘счастье, удача’, + п.-мо. *xutug* ‘счастье, благополучие, благоденствие’, др.-тюрк. *qut* ‘счастье’. В написании графикой МЧП конечное **-rh** - -китайский “эрный” суффикс.

3) **huo-tih-woh**, *hodihon*, *hodzihon* ‘зять’, ср. ма. *хозигон*, *хозихон* ‘зять, муж сестры’, ср. др.-тюрк. *ku* ★ *da* ★ *gu* ★, *ku* ★ *@a* ★ *gu* зять. Монг. *хҮргэн* зять обычно служит примером на “ротацизм” в монгольских словах тюркского происхождения, однако возможно, что это слово заимствовано не из “ротацирующих” тюркских языков, а из тунгусо-маньчжурских языков, где оно было позже утрачено. Формы типа удэгейского *кodu* “зять”, как и вышеприведенные слова явно заимствованы из тюркских языков вне монгольского посредства.

4) **koh-c’uh-leh-hei**, *geculexe* ‘одежда парадная’. Ср. ма. *гэчухэри* название ткани, одежда парадная шелковая. (ТМС I, 183б). Для маньчжурского языка наряду с вышеприведенной формой вполне вероятно было бы ожидать форму ****гэчу-лэ-хэ** с тем же самым значением “парадная одежда”. Корень этого слова явно идентичен с др.-тюрк. *kedgu* ★, *ke@gu* ★ ‘одежда, одевание’ (ДТС 293а, 294а), хотя в языке МЧП и в маньчжурском языке он сохранен только в составе производных. Показательно, что на месте тюркского интердентального мы опять находим согласный *-ч-*. Видеть в приведенной тюркской лексеме источник “чжурчжэньского” слова **hah-tu**, *adu* ‘платье, одежда’ и маньчжурского *adu* ‘платье, одежда’, которое сравнивается с орок. *абду* ‘хозяйство, имущество’, эвенк. *абду* ‘скот, хозяйство, имущество’ (ТМС I, 5б-6а), как это делает А.М.Певнов⁸, нам представляется недостаточно обоснованным (равно как и реконструкция ****хадуху**), и при наличии тунгусских параллелей - излишним

б) **’oh-hen**, *ejhen* ‘осел’, ср. ма. *эйхэн* ‘осел’ + п.-мо. *elzigen* ‘осел’ + др.тюрк. *esha* ★ *k* ‘осел’. Не исключено, что маньчжурское слово было заимствовано из какого-то тюркского языка типа якутского (такого, в каком имел место переход согласных *ш > с > х*) в виде *э(j)hэк* с последующим переходом конечного *-к > -н*.⁹ Остается неясным, является ли согласный *j* в этом слове рефлексом утраченного плавного *l* или он представляет собой собственно маньчжурскую эпентезу.

⁸Певнов А.М. Тюркизмы... С.105.

⁹См.: Бурыйкин А.А. Айсин эйхэн - *altin eshak*, или к проблеме тюркского источника нескольких маньчжурских слов // Вопросы востоковедения. Кононовские чтения XII. Спб., изд. СПбГУ, 2000. С.18-25.

7) **puh-c'u: puh-c'u t'uh-kih**, *boco tugi* 'цветные облака' и **puh-c'u-kai**, *bosoka* 'цвет', ср. ма. *бочо* 'цвет, окраска, вид, облик, наружность', бочон'го туги 'цветные облака', эвенк. *боркан* 'красота лица, миловидность'. Поскольку имеются основания считать группу согласных -рк- в эвенкийском и других севернотунгусских языках в ряде слов вторичной¹⁰, открывается возможность сравнивать приведенные слова с др.-тюрк. *bodug*, *bo@ug* 'краска', и его монгольских эквивалентов. Отметим, что тюркский интердентальный -@- уже систематически отражается в словах языка МЧП как глухая аффриката -ч-. Ма. *бошохон* 'краска желтая' (ТМС 1, 98а) - похоже, заимствование из какого-то другого тюркского диалекта.

8) **t'eh'-oh**, *tebe* 'верблюды', ср. ма. тэмэн 'верблюды', + п.-мо. *temege(n)* 'верблюды', др.-тюрк. *tebe*, *teve* 'верблюды'. Один из вариантов записи слова знаками МЧП и китайская транскрипция этого слова, в которой второй знак совпадает с транскрипцией показателя винительного падежа (ма. -бэ), стоит ближе к тюркским, нежели к монгольским словам, как бы это ни выглядело парадоксальным.

9) **'a-ci-rh mu-lin**, *adzir morin* или *achir morin* 'жеребец', ср. ма. *азирган*, *азирхан* 'жеребец'. Слово в записи знаками МЧП может быть заимствовано из тюркских, а не из монгольских языков, ср. др.-тюрк. *adgir*, *ajgir* 'жеребец', поскольку звонкие и глухие согласные в китайских транскрипциях слов языка МЧП различаются не всегда; однако в данном случае предполагать обязательное наличие глухого -ч- в этом случае избыточно не только из-за неясности показаний маньчжурского языка, но и из-за того, что заимствования из тюркского d-языка среди рассматриваемых примеров также присутствуют. Переход согласного d > з в этом слове едва ли имеет отношение к разным отражениям интердентального -@- тюркских языках и скорее всего связан с процессом палатализации переднеязычных согласных перед гласным i в маньчжурском языке. Кстати, данный пример из языка МЧП показывает, что у нас нет оснований говорить о том, что в языке МЧП было зафиксировано такое состояние, когда палатализация переднеязычных в "маньчжурской" ветви тунгусо-маньчжурских языков перед гласным i еще не имела места - на самом деле в китайских транскрипциях слов языка МЧП различение переднеязычных и среднеязычных согласных перед гласным i передается непоследовательно с взаимными смешениями.

10) **'an-c'un**, *ajsin* 'золото', ср. ма. *ajсин* 'золото'. Если принимать всерьез, чтение *ансин* в написании МЧП, как это делают некоторые авторы,¹¹ то напрашивается мысль, что слова *ансин* и *ajsin* заимствованы из разных языков, однако при этом им приходится доказывать, что маньчжурские слова *анчу* 'благовонный порошок', и *анчун* 'серьга', которые не имеют ни лексических, ни семантических соответствий в языке МЧП, являются заимствованиями из "чжурчжэньского" языка в маньчжурский язык, однако же к этому нельзя

¹⁰См.: Бурькин А.А. О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях //Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячеления. Доклады и тезисы международной конференции. М., 2000. С.12-16.

¹¹ Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках //Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С.21, 22-23.

отнести серьезно. Весьма возможно и весьма вероятно, что транскрипция 'an-c'up является неточной, и она вообще непригодна для историко-фонетических построений - к сожалению, для материала языка МЧП такие ситуации не являются редкостью.

II. Тюркская лексика в отдельных тунгусо-маньчжурских языках. Разрозненные тюрко-тунгусо-маньчжурские параллели отмечаются в разных тунгусских языках: часть из них может быть общеалтайскими реликтами, но многие выглядят как заимствования. Примером последних являются негидальские слова *бохонун* 'цепочка' (также удэг. *бахула*, ульчск. *бојну(н)*, нан. *бојото*~ 'цепь', и *бэлэ:пчун* 'спинка мехового охотничьего жилета', (ср. др.-тюрк. *bogaz* 'горло', *boјun* 'шея', *bel* 'поясница'. Надо указать, что в последнем слове сохранилась архаическая и более нигде не документированная форма суффикса названий частей одежды, покрышек и чехлов *-пчун*, которая соотносится с редким в тюркских языках суффиксом *-zu* $\star k$ (ср. др.-тюрк. *bilezu* $\star k$ 'браслет', *o* $\star mzu$ $\star k$ 'лука седла'). Вариант суффикса *-пчун* невыводим из собственно тунгусо-маньчжурских форм суффикса с аналогичным значением (ср. эвенк. *-птун*), но понятен как архетип прототюркского суффикса **pcuk* / **pcung* (= монг. *-bci*), в котором имел место характерный для тунгусо-маньчжурских языков переход ауслатного согласного в *-п*.¹² Кстати, данное предположение объясняет причины расщепления аналогичного суффикса в эвенском языке на два варианта: *-пан/-пэн* - видимо, исконный рефлекс тунгусского суффикса, и *-тин*', который, возможно, является ранним заимствованием из какого-то архаического тюркского языка или языка, близкого к тюркским языкам.

По нашему мнению, еще одним интересным примером тюркского заимствования в маньчжурском языке является маньчжурское слово *хончун*, *хунчу*, *хунчун* 'санки, салазки' (ТМС 1, 471a), изолированно стоящее среди тунгусо-маньчжурских слов. Авторы "Сравнительного словаря..." по каким-то причинам не отметили возможности сравнения этого слова с эвенк., негид. *ке:лчи* 'лыжа-волокуша', нан. (Бикин) *кжлчики* 'лыжи-голицы' (ТМС 1, 388a), которое напрашивается само собой. На общеалтайском уровне последняя из приведенных лексем может сравниваться с турецким *kizak* 'санки', и при этом сравнении маньчжурские формы *хончун*, *хунчу*, *хунчун* будут занимать как бы промежуточное положение между тунгусо-маньчжурскими и тюркской формами - они несводимы к одному архетипу с другими тунгусо-маньчжурскими формами (наблюдаемые соответствия были бы нерегулярными). Очевидно, что маньчжурские формы *хончун*, *хунчу*, *хунчун* являются проявлением такого же старого тюркского заимствования в маньчжурском языке, как и другие рассматриваемые здесь слова. На заимствованный характер слова указывает наличие в маньчжурских формах ауслатного согласного *-н*, который может восходить практически к любому согласному (в то время как ауслатный долгий гласный *-и*: является закономерным отражением сочетания широкого гласного с финальным заднеязычным согласным), а на древность заимствования -

¹²См. также: Бурыкин А.А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс *-bci* (калм. *-вч*) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках //Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). М., 2000. С.16-20.

сохранение сочетания согласных внутри слова, которое в общеалтайских словах подвергалось упрощению уже на уровне общетюркского состояния.

III. Якутско-эвенкийские лексические связи. Значительное количество тюркских слов вошло в эвенкийский и эвенский языки из якутского языка, и якутизмы в этих языках легко опознаются. Однако в некоторых случаях история слов может изучаться только с привлечением материалов других языков. Например, эвенк. *мэччиргэ* ‘сова’ заимствовано из якутского *мэччиргэ*, в якутском оно заимствовано из монгольских языков (ср. бурят. *бэгсэргэ* ‘сова, сыч’), а тувинское *межерген* ‘сова’, которое едва ли может быть монгольским по происхождению, позволяет говорить о том, что это название совы является тюрко-монгольским (с уверенностью заимствование можно предполагать только для эвенкийского языка). Другой случай - якутско-эвенкийская изоглосса *бадаран* ‘болото’, на наш взгляд, является бесспорным монгольским заимствованием: ср. монг. *намарган* ‘болото’. Это слово подверглось сильному видоизменению в якутском языке, которое затрудняет его опознаваемость, и из якутского языка было заимствовано в эвенкийский язык.

В негидальском, ульчском, орокском, нанайском языках зафиксировано слово *маки*: ‘шкура с головы медведя’, явно относящееся к ритуальной лексике. Однако в настоящее время известно, что табуированная и ритуальная лексика, относящаяся к медведю и медвежьему празднику, у приамурских народов и почти у всех тунгусо-маньчжурских народов является заимствованной, и ее основу составляют заимствования из чукотско-камчатских языков.¹³ На данном слове вполне мог быть повешен ярлык “Слово неизвестного происхождения”. Однако есть возможность рассматривать его как старое заимствование из какого-то тюркского языка типа якутского или непосредственно из якутского языка: ср. якут. *баас* “голова”, но *баһа* “его голова”. Однако наличие начального м- и характер ауслатного гласного говорят о том, что данное слово было заимствовано не из якутского языка, а из такого тюркского языка, который характеризовался переходом согласных с > h, но, в отличие от якутского языка, при этом имел показатель принадлежности 3 лица в виде -и, и, вероятно, сохранял начальные сонанты.

IV. Тюркские заимствования неякутского происхождения в севернотунгусских языках. Эвенк. *зилдавки* ‘звезда’ - несомненный тюркизм (ср. др.тюрк. *julduz* ‘звезда’), однако неясно, в какое время, в каком месте и с каким именно тюркским языком, имеющим анлаутный звонкий среднеязычный на месте *j, могли контактировать эвенки. Остается предполагать, что это слово является адстратным или субстратным для той территориальной группы эвенков, в языке которых оно зафиксировано.

Эвенк. *сајан* ‘забереги, вода поверх льда у берега’ - также тюркизм: ср. тувинск. *чаак* ‘забереги’, однако конкретный тюркский источник эвенкийского слова неясен. Якутское *таанг* ‘забереги’ отличается от эвенкийского слова по форме и дает нерегулярные фонетические соответствия с тувинским словом. Опять-таки неясно, где, когда и от какого этноса данное слово могло быть заимствовано эвенками.

¹³Обоснование этого утверждения см. Бурыкин А.А. <Рец на кн.>. Кормушин И.В. Удыхейский (удэгейский) язык. М., 1998. //Известия РАН, серия литературы и языка, 2000, N 2. С.71-73.

Рассмотренный материал позволяет обнаружить среди тюркизмов в тунгусо-маньчжурских языках такие слова, которые восходят к ныне исчезнувшим тюркским языкам и более полно представить картину древних ареальных связей тунгусо-маньчжурских языков и тюркских языков, относящихся к разным группам от огузской до болгарской. Самая возможность разграничения общеалтайской лексики и заимствований на основе отклонений от регулярных фонетических соответствий служит одним из средств верификации общеалтайской фонетической реконструкции. В ряде случаев при рассмотрении тунгусо-маньчжуро-тюркских параллелей удастся уточнить этимологии некоторых слов и установить источник их заимствования. Однако особый интерес при дальнейших исследованиях в этом направлении представляет выявление такого лексического материала, который можно считать принадлежащим ныне не существующим тюркским языкам, а также выделение лексики, представляющей прототюркское языковое состояние, которое типологически характеризуется как промежуточное между общемонгольским и общетюркским состояниями. Не менее привлекательные перспективы представляет выявление в тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языках лексики, отражающей “паратюркское” языковое состояние, которая не укладывается в рамки закономерных фонетических соответствий между известными группами алтайских языков и вместе с тем не полностью соответствует представлением об истории тюркских языков от общеалтайской реконструкции до общетюркского состояния, реконструируемого на материале тюркских языков.

Рассмотрим в заключение еще один пример. П.-мо. *belcir* ‘железа’, на общеалтайском уровне сравнивается и отождествляется с тюрк. *bez* ‘железа’. Монгольская форма *belcir* по огласовке стоит ближе к тюркской, чем к монгольской же дублетной форме *булчирхай*, которая, вероятно, заимствована из какого-то близкородственного монгольскому языка. Тунгусо-маньчжурские данные для этого слова не выявлены: однако ср. эвенк. диал. *бичэкэй* ‘селезенка’ (ТМС 1, 86а), которое с известными оговорками может восходить к якутскому *былчархай* ‘железа’, в свою очередь заимствованному из монгольского языка. Однако формы слова “железа” в тюркских языках, сами по себе явно восходящие к одному архетипу, дают достаточно противоречивую картину, которая не объясняется известными фонетическими соответствиями: ср. алт. *берч* ‘железа’, хак. *мир* ‘твердая опухоль’, *мирси* ‘железы внутренней секреции’, *мирт* ‘лимфатические железы’; шор. *мйрс* ‘вымя, опухшие железы’ (Р 4 2097), тел. *нйрс* ‘железа’ (Р 4 1240). У нас нет оснований считать плавный -r- в этих случаях какой-то сибирско-тюркской эпентезой, тем более что он находится как раз на месте общеалтайского плавного -l-; вместе с тем источником тюркского -z-, как мы полагаем, являются не плавные и не сочетания плавных со среднеязычными, а сами среднеязычные согласные. Логично предполагать, что те тюркские формы, которые сохраняют сочетания согласных на месте сходных сочетаний согласных в монгольских примерах, и не укладываются (в отличие от формы *bez* в нашем случае) в устанавливаемые монголо-тюркские, тунгусо-маньчжуро-тюркские или внутритюркские фонетические соответствия, представляют собой заимствования из “паратюркского” языка или такого тюркского языка, который характеризовался большим количеством архаических черт в фонетической структуре слова.

Summary

A.A.Burykin

Some remarks to the problem of Turkic borrowings in Tungus-Manchu languages and their meaning for the comparative Turkic studies and Altaistics

The paper discusses the problems of the Turkic lexical borrowings in Tungus-Manchu languages in various aspects. The most interesting subject of this problem is represented by such words, which do not relate to the contacts of contemporary languages (such as Yakut and Evenki). In the paper the author observes four problems: 1) Turkic borrowings in the language of Minor Jurchen script and Manchu, relating to different Turkic languages, and at least one language among them is not conserved by written form and does not exist among the existent Turkic languages; 2) Turkic words in separate Tungus languages; 3) Jakut-Evenki lexical relations in the aspect of the etymology and to the Common Altaic origin of words; 4) Turkic words of non-Yakut origin in the Northern Tungus languages. The author sees the specific importance of the research in the directions named above by the reasons, that the study of borrowings can give the opportunity to collect such lexical materials, which will represent the languages of Turkic group which are now disappeared, as well as the words belonging to the "Proto-Turkic" state (intermediary between Mongolian and Common Turkic reconstructed on the proper Turkic data) and "Para-Turkic" state, similar to Common Turkic or Proto-Turkic but differing from them in phonetic relation.